

12+

Рука.

История одного переноса

Карта №734

Лариса Степанель

Лариса Степанель

Рута. История одного переноса

«Издательские решения»

Степанель Л.

Рута. История одного переноса / Л. Степанель — «Издательские решения»,

Было детство, была юность, была надежда. Было обещание, было предательство и была большая любовь. Сейчас она врач, а он пациент, который не помнит главное. РУТА — повесть о любви через года. Врачебная драма и светлые мысли о невозвратном.

Содержание

РУТА	6
Пролог	6
Глава 1. Карта №734	7
Глава 2. Лето 1999	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Рута

История одного переноса

Лариса Степанель

Иллюстратор Елизавета Хабенко

© Лариса Степанель, 2026

© Елизавета Хабенко, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0070-2019-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

РУТА

Пролог

Карта №734

На верхнем листе — типографский шрифт:

Ветров Даниил Евгеньевич. 42 года.

Направление: когнитивно-поведенческая дезадаптация, эпизоды агрессии без очевидного триггера, нарушение социального самоконтроля.

Под картой — анкета пациента. Внизу, в строке «Подпись» — тот самый почерк. Буква «я» — с завитком, который убегает.

Ирина знала этот почерк. Слишком хорошо знала. Прошло почти десять лет с последней встречи, но она помнила.

Нового пациента можно было отдать коллеге — практика обычная, но перегрузка у всех. С другой стороны, протокол и этический комитет рекомендуют передачу при любом совпадении с личной историей.

Она провела пальцем над подписью — не касаясь бумаги. Потом закрыла анкету и написала в расписании: *среда, 14:00 — Ветров Д. Е.*

«Хоть бы ещё раз увидеть», — подумала она.

И тогда её накрыло. Она почувствовала, что задыхается — так же, как в тот день, когда слышала в трубке: *«Я уезжаю»*.

В первый раз Ирина нарушила — нарушила и правило, и этику. Главное — нарушила закон силы прошлого.

Глава 1. Карта №734

За пятнадцать минут до приёма Ирина переставала существовать для мира.

Это был ритуал, отточенный за пятнадцать лет практики: закрыть дверь кабинета, сесть в кресло, прожить последние минуты тишины. Никакой медитации, никаких особых техник — просто возможность побыть одной перед тем, как впустить чужую боль.

Кабинет молчал вместе с ней.

Три стены занимали стеллажи — не декоративные, с подборкой «для клиентов», а рабочее, плотно забитые монографиями, сборниками конференций, архивами «Журнала неврологии и психиатрии». На нижних полках теснились папки с историями болезней — только символы, только номера. В углу, на отдельной тумбе, высилась стопка листов: её вторая монография ушла в верстку, и Ирина правила сноски в перерывах между сессиями.

Большой стол из светлого дуба стоял перпендикулярно окну, чтобы свет падал сбоку, не слепил ни её, ни пациентов. На столе — монитор, лампа с регулируемой яркостью, стакан с механическими карандашами и подставка для бумаг. Ничего лишнего. Ничего личного.

Только на подоконнике, в тяжёлом керамическом горшке, жил фикус Бенджамина — единственное существо, которому Ирина позволяла оставаться в кабинете на ночь. Она поливала его по средам. Сегодня была среда.

Ирина поправила очки — тонкая металлическая оправа, стекла без диоптрий, просто привычка, за которую она цеплялась, когда хотела казаться строже, — и вышла в коридор.

Нужно было проверить расписание в общей базе, но на повороте её остановила Вера Павловна. Старшая по отделению шла с планшетом, на ходу поправляя лямку сумки.

— Ирина, ты не забыла? Твоё выступление на конференции через две недели. Программу утвердили, ты в пленарном.

— Помню, — сказала Ирина. — Тезисы отправила.

— И статью ждём, — Вера Павловна улыбнулась. — Все уже заждались. У нас тут план по публикациям только тобой и держится.

— В следующем месяце обещаю.

Вера Павловна кивнула, но не отошла. Посмотрела на Ирину тем самым долгим взглядом, от которого в клинике ничего нельзя было скрыть.

— Ты в последнее время засиживаешься. Я уйду в шесть, а у тебя свет горит. Охранник говорит, что вчера ты ушла только в десять. Себя беречь надо.

Ирина кивнула.

— Знаю. Спасибо, Вера Павловна.

Вернулась в кабинет. Дверь кабинета закрылась за ней, отрезая коридорный гул. Села в кресло, взглянула на календарь: сессии с 9 до 13, перерыв, 14:00 — Ветров, дальше — Соколова, Агеев, два консилиума, звонок с кафедры. Расписание было забито на две недели вперёд.

В 14.00 она нажала кнопку селектора.

— Входите.

Дверь открылась бесшумно.

Он вошёл, на секунду замер на пороге, окидывая взглядом стеллажи, стол, её. Шагнул внутрь.

Ирина смотрела на его губы. Тонкая линия рта, чуть припухлая нижняя губа, которую он имел привычку покусывать, когда задумывался. В двадцать два это выглядело почти по-

детски, в сорок два — приобрело горьковатую складку в углах. Похудел. Кожа на скулах — светлая, почти прозрачная.

— Здравствуйте, — сказал он. — Даниил Ветров.

Голос ровный, с лёгкой хрипотцой. Вежливый, чуть усталый.

Ирина поправила очки. Жест сработал как якорь: она снова доктор Смоленцева.

— Здравствуйте, Даниил Евгеньевич. Садитесь. Я Ирина Сергеевна.

Он сел, положил руки на колени. Неподвижно, как чужие. Её кольнуло: раньше он никогда не сидел смирно. Ерзал, менял позу, закидывал ногу на ногу.

— Рассказывайте, — сказала она, беря карандаш. — Что вас привело?

— Жена считает, что я сошёл с ума. Говорит, стал другим. Раздражительным. Могу накричать ни с того ни с сего. Потом не помню — из-за чего.

— А вы сами что думаете?

— Думаю, она права. Но не до конца. Я правда иногда срываюсь, а иногда... просто перестаю понимать, зачем люди от меня чего-то хотят. Особенно близкие.

— Расшифруйте.

Он нахмурился, ища слова. Сдвинутые брови, взгляд в сторону — до боли знакомое движение.

— Марина приходит и говорит: «Ты опять меня не слушал». А я слушал. Я слышал каждое слово. Но пока она говорила, я думал о другом. И не понимаю, почему её это обижает.

— Давно это началось?

— Год. Полтора. Я сначала думал — устал от людей. Работа, встречи, бизнес. А теперь думаю, что это не люди. Это я.

Ирина записала: *«Критика к состоянию сохранена частично. Эмоциональный резонанс снижен»*.

— Расскажите про эпизоды агрессии.

— Я не агрессивный, — сказал он без защиты. — Никогда не бил никого. Но могу рявкнуть так, что секретарша плачет. Или сказать обидное — и не понять сразу, что это обидно. Потом доходит, но поздно.

— А на работе?

— Уволил двух человек. Хороших. Потом не мог вспомнить их лиц.

Он говорил спокойно, без надрыва. Только когда упомянул лица, чуть дёрнулась щека. Ирина записала: *«Эмпатия фрагментарна. Социальный фильтр ослаблен»*.

— Обследования были?

— МРТ, ЭЭГ, кровь. Всё в норме. Невролог отправил к психиатру. — Он усмехнулся. — К вам.

Ирина отложила карандаш.

— Даниил Евгеньевич, несколько формальных вопросов.

— Валяйте.

— Назовите дату.

— 18 сентября.

— Где вы находитесь?

— В частной клинике на Фонтанке. Кабинет психиатрии.

— Ваш домашний адрес?

Он продиктовал. Ирина записала. Память на факты — безупречна.

— Назовите месяцы в обратном порядке. От декабря.

Он начал неуверенно, сбился на ноябре, пропустил август.

— Продолжим. Если бы вам нужно было организовать ужин на десять человек с бюджетом пять тысяч, с чего начнете?

Он задумался, пальцы перебирали воздух. «Список. Потом... магазин. Или такси.»

— А если кто-то из гостей обидится на вашу шутку?

— Объясню, что это не всерьёз. Или промолчу.

Ирина кивнула и записала: *«Ориентировка и эпизодическая память сохранены. Исполнительные функции и социальное познание фрагментарны. МКБ-10: F02.8 (деменция при других уточненных болезнях). Рекомендовано нейропсихологическое тестирование, консультация клинического фармаколога для коррекции расторможенности».*

— Последний вопрос, — сказала она, не поднимая глаз и продолжая делать записи, — Что вы чувствуете сейчас?

Тишина. Ирина давала ему время, карандаш лежал на ребре ладони.

И тогда он заговорил.

Голос стал другим. Глубже, тише. Тем, который она помнила.

— А ведь ты так и не дочитала тогда Бродского.

Карандаш дрогнул.

— Помнишь, Рута? У пруда. Ты уснула, а я дочитал сам и всю ночь смотрел, как ты спишь. А утром проснулась и сказала: «Ты украл моего Бродского». Я отдал книгу, а ты не взяла. Сказала: «Теперь он твой».

Она замерла. Палец на кнопке карандаша сделал лишнее усилие.

Щелчок.

Грифель сломался. Тонкий серый стерженек выпал и лёг на карту №734.

Ирина медленно подняла глаза.

Он сидел в кресле напротив и смотрел на неё. Не на доктора Смоленцеву. На неё. Взгляд был чистый, ясный — тот самый, из Звенигорода, 1999 год, ночь после дождя.

Он *был* здесь.

— Даня...

Голос сорвался.

Он моргнул. Раз. Другой. Провёл рукой по лицу — устало, как человек, который просыпается от яркого сна и не может стряхнуть остатки видения.

— Извините, доктор. Голова иногда как ватой набита. Так о чём мы? Ах да, чувства. Что я чувствую? Да ничего особенного. Усталость, наверное. Вы про это?

Ирина смотрела на него. На губы, которые только что произнесли «Рута». На глаза, в которых никого не было.

Медленно выдохнула. Наклонила голову к столу, чтобы он не видел лица. Сдула серую пыльцу — грифель рассыпался мелко. Отложила сломанный карандаш. Пальцы не дрожали.

Новый карандаш лёг в руку прохладным деревом.

— Продолжим. Расскажите подробнее про эпизоды с женой.

Он заговорил. Про Марину, про детей, про офис. Ирина слушала. Кивала. Задавала уточняющие вопросы. Записывала.

Старый, сломанный карандаш остался лежать на краю стола. Она не убрала его. Просто не тронула. Как будто он еще мог пригодиться.

В 14:50 она закрыла карту.

— На сегодня достаточно. Я назначу дополнительные обследования, консультацию невролога. Результаты получите через неделю. После этого запишемся на повторный приём.

Он встал. Кивнул.

— Спасибо, доктор. — У двери обернулся. — А вы ведь... мы с вами нигде не пересекались раньше? Лицо кажется знакомым.

Ирина посмотрела на него. На губы. На светлую кожу. На пустые глаза.

— Нет, — сказала она. — Мы не знакомы.

Дверь закрылась.

Ирина осталась одна. Посидела, глядя на дверь. Потом перевела взгляд на сломанный карандаш. Потом — на карту №734, где в графе «первичный осмотр» ее почерк был ровным, и только одна строчка осталась пустой — та, где она не смогла записать его слова.

Она взяла карту, поднесла к лицу, закрыла глаза. Ничего. Только запах бумаги и типографской краски.

Положила карту на стол, взяла ручку. В графе «лечащий врач» написала: *Смоленцева И. С.*

Потом подошла к окну. Фикус стоял на подоконнике, равнодушный к человеческим драмам. Она взяла лейку, налила воды и полила.

По средам.

В 15:00 нажала кнопку селектора:

— Следующий, пожалуйста.

Глава 2. Лето 1999

Ирина просыпалась и сразу знала: есть он или нет.

Чувство приходило раньше, чем открывались глаза: легкое беспокойство под рёбрами, проверка — здесь ли ещё мир? И сразу следом — шум ветра в яблонях, скрип половиц на веранде. Если там тихо — значит, ещё не пришёл. Если слышно дыхание или шаги — значит, сидит за круглым столом и ждет.

Бабушкин дом стоял в низине, у самого леса, и по утрам его затягивало туманом. Ирина любила выходить на веранду и смотреть, как белое молоко плывёт между стволов, как яблоки на старой штрифели мокнули в этой вате, как мир наливается светом медленно, нехотя.

Но тем летом она начала просыпаться рано. Потому что на веранде сидел он.

Приходил на рассвете. Она так и не спросила, во сколько он встаёт, чтобы успеть — от своего дома через три улицы, мимо вокзала, парка, мимо магазина №57, который вечно пах рыбой. Просто однажды утром вышла, а он сидел за круглым столом, покрытым клеенкой в красный цветочек, и смотрел на дверь.

— Ты чего здесь? — спросила она спросонья, кутаясь в бабушкину кофту.

— Жду, — сказал он. — Пойдём на речку, пока роса не сошла.

Не пошла тогда. Смутилась, убежала умываться, а когда вышла — его уже не было. Но на следующий день он снова сидел за столом. И через день. И через два.

К концу первой недели Ирина перестала удивляться. Просто выходила — и он был.

Их было много тем летом — детей из города, приехавших к бабушкам и дедушкам. Двор гудел с утра до ночи: догонялки, вышибалы, походы на речку гурьбой, костры с картошкой, велосипеды, разбитые коленки. И первая любовь, которую никто не называл этим словом, но все почему-то искали глазами именно того, кого вчера вроде бы просто дразнили за компанию.

Теннисный стол стоял в центре двора, под старой липой. Краска облупилась, сетка была порвана и перевязана в трёх местах бечевкой, но это никого не останавливало. Играли с утра до вечера, пока совсем не стемнеет.

Ирину поставили с ним в пару случайно — просто оказались рядом, когда делились на команды. Она не умела играть, махала ракеткой как попало, но он не злился. Только смеялся и кричал: «Давай, подставь!» — и она подставляла, и мяч иногда даже перелетал на ту сторону.

Она не помнила, когда именно перестала видеть в нём просто партнёра по игре. Может, когда он в очередной раз подал ей мяч и улыбнулся так, что у неё внутри что-то перевернулось. Может, когда после игры они пошли к магазину за мороженым и простояли в очереди полчаса, разговаривая ни о чём. Может, когда он в шутку толкнул её в плечо, а она ответила, и вдруг оказалось, что они стоят слишком близко и оба не знают, куда смотреть.

А через неделю случилось то, что случилось.

Догонялки. Большой луг за домами, где пасли коз. Вечернее солнце било в глаза, трава уже высохла за день и колола ноги. Ирина бежала, оглядываясь, смеясь, и вдруг споткнулась — не о корень, о собственную неловкость.

Он поймал её за секунду до того, как она упала бы в крапиву. Схватил за руку, рванул на себя, прижал к дереву — к дубу, в два обхвата, с дуплом, куда они малышами прятали «секретики».

Она ударилась спиной о ствол, охнула, подняла глаза — и замерла.

Он смотрел на неё сверху вниз. Солнце било сзади, лицо было в тени, но глаза — глаза она видела. Тёмные, почти чёрные, с длинными ресницами, которые она замечала уже сто раз, но только сейчас поняла, какие они.

— Попалась, — сказал он тихо.

Голос был другой. Не тот, которым он кричал «водишь!» или «давай сюда мяч». Тихий, хриловатый, будто для неё одной.

Вокруг орали, смеялись, топали — игра продолжалась, никто не заметил, что двое выпали из круга. А они стояли у липы, и время текло иначе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.